
МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-6-30-47

УДК 821.161.1

Литературный быт как литературный факт Дневник А.В. Маркова-Виноградского

М.В. Строганов

Аннотация: Литературный факт не существует вне литературного быта, а литературный быт может существовать только вокруг литературного факта. Более того, в эпоху массовой культуры литературный факт находится в фокусе интересов специалиста, а неспециалист предпочитает литературный быт литературному факту и вместо стихов Пушкина читает биографические книги о Пушкине. Такая ситуация сложилась уже в XIX в. и даже в той среде, которая, казалось бы, должна была хранить высокие принципы «пушкинского круга» писателей и противостоять всему, что связано с «торговым направлением» в литературе. В результате литературный быт становится в центре литературного внимания – литературным фактом.

Ключевые слова: Литературный факт, литературный быт, массовая культура, А.В. Марков-Виноградский, А.П. Керн (Маркова-Виноградская), А.А. Бестужев-Марлинский

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов, д.ф.н., проф. Российского гос. университета им. А.Н. Косыгина. Москва / Тверь. E-mail: mvstroganov@gmail.com

Литературный факт находится в фокусе интересов специалиста. Неспециалист же любит и ценит то, что находится вокруг да около; в фокусе интересов неспециалиста находится литературный быт. Но как литературный факт не существует вне литературного быта, так и литературный быт может существовать только вокруг литературного факта. В принципе, то же самое можно сказать и о других (нелитературных) явлениях культуры. В обществе потребления, в эпоху массовой культуры неспециалист предпочитает литературный быт литературному факту и вместо стихов Пушкина читает биографические книги о Пушкине.

Мы наивно мним, что такая ситуация сложилась в наши дни, по крайней мере, не ранее XX в. За это мы обличаем и XX век, и наши грешные дни. Но «чем хуже этот век предшествующих»? Если приглядеться повнимательнее, окажется, что абсолютно ничем. Настоящая публикация наглядно подтверждает, что уже в XIX в. и даже в

той среде, которая, казалось бы, должна была хранить высокие принципы «пушкинского круга» писателей и противостоять всему, что связано с «торговым направлением» в литературе, – даже в это время и в этой среде отчетливо проявилось предпочтение литературного быта литературному факту.

Речь пойдет о дневнике Александра Васильевича Маркова-Виноградского (далее Виноградский), второго мужа знаменитой своими связями в области русской культуры Анны Петровны Керн, урожденной Полторацкой (далее Анна Петровна). Его мать была двоюродной сестрой отца Анны Петровны, которая, следовательно, приходилась ему троюродной сестрой. Виноградский был на двадцать лет моложе своей жены, но Анна Петровна была единственной женщиной в его жизни, и любил он ее безмерно.

Записки Виноградского, которые охватывают время с мая 1840 по январь 1879 г., сохранили историю его отношений с Анной Петровной. Они показывают, как он преобразил ее жизнь и позволил состояться ее таланту. В них запечатлено множество подробностей литературного быта XIX в. – как уже описанных, так и вовсе неизвестных. Этот памятник мемуарной литературы долгое время был невостребованным. Внучка Виноградского в 1904 г. передала его дневник Императорской Академии наук, и он сто лет пролежал непрочитанным¹. Как следует полагать, это произошло потому, что особенно новых и свежих материалов, на взгляд тогдашних историков литературы и культуры, он не содержал.

Современники знали о записках только понаслышке. Так, Н.А. Толстой писал 7 февраля 1899 г. Б.Л. Модзалевскому, который в то время собирал архивные материалы для очерка об А.П. Керн к 3-му тому Венгеровского издания собрания сочинений А.С. Пушкина: «Виноградский гораздо моложе ее был и до самой смерти был влюблен в свою жену. Был очень милый, как говорят, человек, очень образованный и всю жизнь вел “Записки” самого живого и исключительного интереса. Туда же вошло всё, что ему жена рассказывала о Пушкине. Эти записки надо разыскивать во что бы то ни стало, но я не могу быть Вам в этом полезен»². После этого письма прошло почти 120 лет. Наконец справедливость восторжествовала. Дневник

¹ См.: Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому / Публ. Л.К. Хитрово // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Б.Л. Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб.: Наука, 2001. С. 479–532.

² Толстой Николай Алексеевич (1856–1918) – писатель, публицист, переводчик, художник; владелец сельца Новинки Тверской губ.; внучатый племянник Якова Николаевича Толстого (1791–1867), знакомого А.С. Пушкина, в 1819–1820 гг. председателя общества «Зеленая лампа», члена Союза благоденствия, тайного агента русского правительства в Париже. А.П. Керн – троюродная сестра деда Н.А. Толстого.

Виноградского найден и подготовлен к печати А.К. Михайловой и Л.К. Хитрово с примечаниями Е.В. Петренко и М.В. Строганова.

Любой читатель несомненно заметит искренность автора, который начинает записки фразой: «Кто пишет дневник и вписывает в него всё, что думает, чувствует, и всё, что делает, тот поостережется думать, чувствовать и действовать дурно. Как записать порочное движение души и бесчувственное ее проявление? Совестно! Но, записывая всё, нельзя пропустить и грязного!.. Прочувствовав и поняв это вполне, человек, пишущий дневник, постарается сдерживать себя так, чтобы не пришлось ему записывать ничего дурного про себя и, постоянно следя за собою, выработается, наконец, в порядочного субъекта».

Эта позиция напоминает молодого Л.Н. Толстого, который в 1847 г., через семь лет после Виноградского, начнет писать свой «дневник слабостей» и поставит перед собой задачу быть открытым и честным. Но читатель заметит не только это сходство, но и отличие авторов друг от друга. Толстой грешил и, как следствие, каялся – это составляло драматургию его дневника (и всей жизни вообще). А Виноградский не грешил, поэтому каяться ему было не в чем, «дневника слабостей» у него быть не могло, не могло быть и драматургии. То есть сам по себе Виноградский никого не заинтересует. Но это не значит, что дневник никому не интересен. Современный интерес дневника Виноградского сосредоточен на литературных фактах и литературном быте.

Но сначала несколько слов об авторе.

Виноградский родился 30 августа 1820 г. в местечке Кричеве Черниговской губернии, где его отец Василий Терентьевич (ум. 1829), полковник, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, находился по долгу службы. По линии матери, Дарьи Петровны, урожденной Полторацкой (ум. 1837), Марковы-Виноградские родством и знакомством были связаны с Олениными, Львовыми, Романовыми, Вульфами и другими известными дворянскими фамилиями первой половины XIX в.

Первые годы жизни Александр провел вместе с родителями в провинциальных городах юга России, где квартировал полк отца. Затем родители отдали его на воспитание тетке, Ф.П. Полторацкой³,

³ Полторацкая Феодосия Петровна (ум. 1858) – родная сестра Д.П. Полторацкой; двоюродная сестра Петра Марковича Полторацкого (ок. 1775 – после 1851) – отца Анны Пе-

которую считали «образованною и способною учить других», и жил вместе с ней в Соснице, маленьком городке Черниговской губернии, в имении бабушки, Е.В. Полторацкой. В отрочестве Александр интересовался литературой, искусством, историей. Он пробовал рисовать, мечтал стать художником, но, не имея для этого достаточного домашнего и специального образования, в 1834–1839 гг. под давлением родственников и вопреки собственным желанием вынужден был учиться в Первом Кадетском корпусе в Петербурге.

12 апреля 1834 г. Виноградский приехал в Петербург. К этому времени Анна Петровна уже рассталась со своим первым мужем Е.Ф. Керном. Время от времени она навещала своего кузена, а Александр, получая увольнение, бывал у Анны Петровны: других родственников в Петербурге у него не было. В ходе этого общения возникла взаимная симпатия, основанная на общих интересах к литературе и искусству, но прежде всего – на общих обстоятельствах жизни. Симпатия эта со временем переросла в самую искреннюю любовь, которой не мешала даже двадцатилетняя разница в возрасте.

По окончании Кадетского корпуса Виноградский несколько месяцев 1840 г. учился на офицерских курсах Артиллерийского училища, но, не окончив их, поступил на военную службу в 7-ю артиллерийскую бригаду, расквартированную в городах Полтавской губернии Лохвице, Лубнах и Хороле, рядом с имением П.М. Полторацкого в Лучке, в котором в то время жила Анна Петровна с сыном.

У Виноградского не было ни малейшей склонности к военной карьере, а женитьба на Анне Петровне стимулировала увольнение со службы. Они стали супругами с 1838 г., еще при жизни первого мужа Анны Петровны. 28 апреля 1839 г. в селе Моцковец Лубенского уезда у них родился сын Александр. Через полтора года после смерти генерала Е.Ф. Керна, 25 июля 1842 г., у Виноградских состоялось официальное бракосочетание. И тогда Виноградский подделал документы о рождении сына на 22 сентября 1842 г. в метрической книге села Золотуха Лубенского уезда, о чем простодушно рассказал в записи от 14 марта 1853 г.

В опубликованных дневниках и воспоминаниях Анны Петровны Виноградский практически не упоминается – его имя возникает в них очень редко, иногда и вовсе случайно. В дневнике, который вел Виноградский, мы видим совсем другую картину: записи, посвященные Анне Петровне, проникнуты неподдельным чувством, любовью, уважением. Это самые поэтичные страницы дневника. Весной 1840 г.

тровны; в 1810–1820-х гг. жила в имении П.М. Полторацкого Лубны, где подружилась с А.П. Керн.

Виноградский пишет: «Какая тихая любовь счастливит мою душу, познающую их (жену и сына. – М.С.) близ моего сердца. Лепет его так красноречив, так понятен мне, полному поэзией его нежности к нам. Он милое наше дитяtko <...> Хорошо любить! Есть в сердце родное: есть что обнять, крепко, прижать к сердцу и в грустное время сказать: “Душенька, мне грустно!” Даже ссориться с близким душе приятно! Это всё равно, что ссориться с самим собой за что-нибудь и убеждать себя в том или другом! Вообще хорошо любить! Я ее, мою Анеточку, очень люблю!» Но после этого Виноградский в дневнике больше уже не называет Анну Петровну по имени, а только «мамаша», «старушка», «голубушка моя родная», «моя милая голубушка».

Виноградскому было хорошо с Анной Петровной. Он не устает повторять об этом на страницах дневника. Он пишет о жене с восторгом, с упоением. Он, кажется, готов прокричать всему миру о своем счастье: «Да, я отыскал то, что и другие ищут, да редко находят потому, что идут окольными путями; а я отыскал счастье! Господи, не отыми от меня его!» Жена отвечала ему взаимностью: «Она много восхищалась, хвалила меня». А после этого в дневнике вновь звучит пламенный гимн любви: «Благодарю тебя, Господи, что я женат. Без нее, моей душечки, я бы изныл, скучая. Всё надоедает, кроме жены... Нет ничего лучше, как моя жена. Семейная жизнь, освещенная любовью, есть величайшее счастье».

Анна Петровна была единственной женщиной в жизни Виноградского. Он не скрывал это ни от родных, ни от друзей. Он открыто признавался, что бесконечно предан и верен ей, в ответ же над ним подшучивали: «Уверю всех, что не изменяю ей никогда, и мне не верят и все-таки подшучивают. Это уже начинает меня оскорблять, и я прекращаю плоские шутки! Что людям за дело, что я люблю свою жену и не могу ей изменять?.. Странны многие люди!»

Виноградский считал, что счастья в семейной жизни можно достичь только в том случае, если не будешь делать супругу «ни выговоров, ни наставлений, то есть не должен оскорблять самолюбие, чтобы не охладить чувства и не сделать эту жизнь цепью пошлых неприятностей. Спокойствие лучше всего; тот неблагоприятен, кто питает семейную жизнь ссорой. Супруги должны смотреть на недостатки один другого снисходительно. Они не должны стеснять друг друга, а должны только заботиться об общем удовольствии, общей пользе. Надо помогать взаимно жить, а не мешать». В дневнике Виноградского нет описаний его конфликтов с женой и всего того, без чего семейная жизнь не обходится. Трудно предположить, что они никогда не ссорились, но еще труднее – что они ссорились.

Впрочем, без ревности все-таки не обошлось. 25 января 1846 г. Виноградский недоумевает: «Она, моя голубушка, боится, чтобы я не разлюбил, не изменил ей. В начале нашей связи она этого же боялась, и опасения ее в течение девяти лет преследовали ее, как необходимый спутник счастья! Но моя любовь срослась со всем моим организмом и сделалась необходимым элементом моей жизни. Мы так счастливы друг с другом, что, разумеется, боимся перемен. Кому нечего терять, тот и не страшится потери! Я извиняю ее ревнивые выходки, но в себе уверен, потому что знаю себя, – моя к ней любовь неизменна, как свет солнца!.. Я люблю ее, мою душечку, люблю со всею нежностью, и нет сил в природе, которые бы могли разрушить мою горячую привязанность к ней!» К концу жизни Анна Петровна «в припадке хандры» продолжала ревновать мужа. Одна из причин названа Виноградским в дневниковой записи в декабре 1874 г. – якобы он «сорок лет назад поцеловал свою кузину и назвал ее хорошенькой». Эти несправедливые подозрения больно ранили Виноградского, все стремления которого были всегда посвящены только Анне, который «не знал ни одной женщины, кроме ее, не интересовался никем и никогда».

После сорока лет супружества он так же любил ее, как и в молодости. И, как стоит полагать, никогда не ревновал жену, имевшую, как известно, богатый опыт любовных и сексуальных связей. Трудно предположить, что Виноградский не знал о них, скорее, он закрывал на них глаза. Вспоминая о взаимоотношениях Анны Петровны и Пушкина, Виноградский замечает, что Пушкин уважал тех женщин, «которые держали себя вдали от него, как, например, моя жена и некоторые другие. Она, моя голубка, своим светлым, чистым взглядом, своими скромными манерами и речами, своею простотою, исполненною невинности сердечной, своим поэтическим идеализмом и высшими воззрениями на жизнь исключала возможность грязных поползновений и была воспета Пушкиными “как мимолетное виденье”, “как гений чистой красоты”». Сложно понять, догадывался ли Виноградский о романе Анны Петровны со своим двоюродным братом Алексеем Вульфом⁴, начало которого относится к лету 1825 г., когда Вульф, студент Дерптского университета, приехал на каникулы в Тригорское и познакомился с Пушкиным. Но это и не важно. Виноградский, безмерно любя и идеализируя свою жену, не придавал особого значения ее прежним сердечным увлечениям, что доказывает довольно откровенная дневниковая запись о связи Керн с кузенком.

⁴ Вульф Алексей Николаевич (1805–1881) – сын Николая Ивановича и Прасковьи Александровны (урожд. Вындомская, во втором браке Осипова; 1781–1859) Вульфов.

Супругам, которые прожили вместе сорок лет и умерли в один год, выпало пережить многие невзгоды и лишения. Сначала они жили в имении отца Анны Петровны Лучке, но накануне 1844 г. П.М. Полторацкий, не принимая брак дочери с Виноградским, выгодно продал принадлежавшую ему Лучку. Виноградские переехали в наследственное имение Сосницы, завещанное Д.П. Марковой-Виноградской не сыну, а сестре, Ф.П. Полторацкой, которая до второго замужества Анны Петровны была с ней в самых дружеских и доверительных отношениях: ей Анна Петровна адресовала письма-дневники, которые вела в 1820 г. в Пскове, где находилась тогда бригада Е.Ф. Керна. Но в 1840-е гг. отношения изменились, и под «мучительным игом капризной, тщеславной, завистливой» тетки Виноградские жили до конца 1854 г., хотя Сосницы уже не могли прокормить своих владельцев. С большой радостью Виноградский получил в 1846 г. место заседателя уездного суда, но, не успев толком вникнуть в должность, попал под суд заодно с проворовавшимися судьями. Виноградского вскоре оправдали, но в Соснице из-за судимости получить другое место службы он уже не мог. Виноградские испытывали отчаянную нужду, и Анна Петровна, которая когда-то блистала в салонах Петербурга и на балах в Полтаве, шила на заказ рубашки для мастеровых, вязала чулки; Виноградский подрабатывал карточной игрой. С робкой надеждой на возможные перемены к лучшему Анна Петровна сообщала 17 августа 1851 г. родной сестре Виноградского Е.В. Бакуниной⁵ в Прямухино: «Скажу тебе еще нечто радостное, но так как всё радостное неверно и всё ожидаемое редко сбывается, то я и боюсь полагаться: мужу обещают дать какое-то значительное имение в опеку; и он будет получать 10 копеек с рубля, что, говорят, составит 250 рублей серебром в год. Если это сбудется, то можно будет чай пить по утрам и вечерам и иногда кофе. Теперь же, признаюсь тебе, один преферанс поддерживает наше существование»⁶.

С середины декабря 1854 г. до ноября 1857 г. Виноградский служил в семье князя С.А. Долгорукова⁷ и был невольным свиде-

⁵ Бакунина Елизавета Васильевна (урожд. Маркова-Виноградская; 1823 – 5.05.1853) – родная сестра Виноградского; с 11 января 1852 г. жена Александра Александровича Бакунина (1821–1908), пятого из шести сыновей А.М. Бакунина; умерла вскоре после рождения сына Алексея.

⁶ Керн А.П. (Маркова-Виноградская). О Пушкине и о себе: Воспоминания, дневники, переписка / Сост., вступ. ст., примеч. А.М. Гордина. Тула: Приокское кн. изд-во, 1993. С. 306.

⁷ Долгоруков Сергей Александрович, князь (1809–1891) – тайный советник, в 1849–1856 гг. – член комиссии по принятию прошений, в 1857–1861 гг. по состоянию здоровья

телем «романтических отношений» между его дочерью Александрой Сергеевной⁸ и императором Александром II. Осенью 1857 г. Долгоруковы выехали за границу, и их домашний учитель был рад расстаться с семейством «мрачного, злого, ограниченного аристократа». В феврале 1858 г. при помощи М. Н. Муравьева⁹, состоявшего в родстве с Анной Петровной по линии бабушки, А.Ф. Вульф, урожденной Муравьевой¹⁰, Виноградскому удалось получить место в Департаменте уделов. До ноября 1865 г. супруги жили в Петербурге, где обрели, наконец, материальную независимость.

Анна Петровна большую часть времени посвящала писанию и публикации «Воспоминаний о Пушкине» (1859), «Воспоминаний о Пушкине, Дельвиге и Глинке» (1864), вела дневник о событиях в столице, связанных со студенческими волнениями осенью 1861 г. Виноградские возобновили отношения и переписку с композитором М.И. Глинкой, сестрой и братом Пушкина О.С. Павлищевой и Л.С. Пушкиным. Они тесно сблизились с Н. Н. Тютчевым (1815–1878), который в 1840-х гг. был переводчиком, сотрудником «Отечественных записок», участником кружка В.Г. Белинского, а в 1850–1870-х гг. – видным чиновником Департамента уделов. Он познакомил семью сослуживца со своими родственниками и друзьями: П.В. Анненковым, И.С. Тургеневым, младшей сестрой своей жены К.П. де Додт, С.Н. Цветом¹¹.

Бедность, неустроенность, излишние тревоги и волнения, которые сопровождали Виноградского на протяжении многих лет, способствовали развитию у него хронических желудочных заболеваний. Он пытался лечить их на водах за границей, куда отправлялся трижды за счет Департамента уделов: в 1861 (вместе с женой), 1862 и 1865 гг. Там болезни на короткое время отступали, а при возвращении в сырой петербургский климат «злобно разыгрывались» вновь.

и семейным обстоятельствам находился в отставке.

⁸ Долгорукова Александра Сергеевна, княжна (в замуж. Альбединская; 1836–1913) – дочь С.А. Долгорукова, фрейлина императрицы Марии Александровны, в середине 1850-х гг. фаворитка Александра II.

⁹ Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) – граф Виленский, «Вешатель», с 1856 г. председатель Департамента уделов, с 1857 г. министр государственных имуществ, с 1863 г. губернатор Северо-Западного края.

¹⁰ Вульф Анна Федоровна (урожд. Муравьева, ум. 1810) – бабушка Анны Петровны по материнской линии; жена Ивана Петровича Вульфа (ум. 1817).

¹¹ Цвет Семен Николаевич (1829–1900) – управляющий акцизными сборами с питейных домов в Полтаве; муж Екатерины Алексеевны, дочери старшего брата Н.Н. Тютчева. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. жил в столице, оттуда в сентябре 1861 г. в качестве секретаря отправился в морскую экспедицию, руководимую адмиралом А.А. Поповым; за либеральные выступления был высажан в Англии и самостоятельно возвратился в Петербург. К нему обращены письма-дневники А.П. Керн, которые она вела с 20 ноября по 18 декабря 1861 г.

20 ноября 1865 г. Виноградский вышел в отставку. Проживать в столице на пенсию коллежского асессора Виноградские, обремененные заботами о семье сына, не могли, а имение в Соснице они продали еще в январе 1858 г. сразу после смерти тетки.

Так начался последний период в их совместной жизни, когда они не раз были вынуждены обращаться за помощью и продавать автографы Пушкина. 1 апреля 1871 г. Виноградский писал: «...добрый кузен жены Алексей Николаевич Вульф прислал ей 100 рублей, и мы могли расплатиться с мелкими долгами <...> Спасибо ему большое!! Он, хотя и консерватор, но исполнен доброты и честности. Он был друг Пушкина и отчасти верен пушкинскому духу времени и не последовал за веком. Многим он был обязан моей доброй старушке и помнит старое добро. Кстати, о Пушкине. Жена продала недавно Семевскому 9-ть писем Пушкина за 45 рублей¹², и это нам порядочно помогло. Думал ли Пушкин, что его поэтическая, исполненная чувства и игривого остроумия любезность поможет предмету его на старости лет сшить себе кое-что и купить вина и лакомств?»

Бездомные, нуждавшиеся в приюте и материальной поддержке, Виноградский и его далеко не молодая жена кочевали из одного дома в другой, от одних родственников или добрых знакомых к другим. Из Петербурга они выехали в Митино к Т.С. Львовой, затем жили в Ковно, Киеве, Лубнах, Березоточе. В 1877 г. Виноградские выехали в Москву и остановились по соседству с сыном в меблированных комнатах на углу Тверской и Грузинской улиц. А в апреле 1878 г. на пособие, полученное от Тютчевых, супруги перебрались в Торжок. И, наконец, 13 октября 1878 г. по приглашению Бакуниных¹³ прибыли в их усадьбу Прямухино.

Виноградский приезжал в Новоторжский уезд несколько раз: в 1840 г. один, а в 1866 и 1870 г. вместе с супругой. В 1878–1879 гг. они жили в Торжке и Прямухине, навещали и усадьбы своих родственников Василёво и Митино: «17 июня <1878>. Жаркий день. Вчера я был в Василёве, на роскошной усадьбе Дм<итрия> Серг<еевич> Львова с великолепным вековым садом, прудами на террасах, цинкованным мостом из громадных камней циклопического стиля, с массой редких цветов, с оранжереями и персиками в них и прочее. Какая поэтическая лестница подымается из гущи столетних деревьев к дому! Она с развесистой липой, осеняющей ее, достойна кисти Калаша! Дом с террасой в сад, от которой расстилается вид с одной стороны – на лужайку сада, с другой – на Тверцу».

¹² Семевский Михаил Иванович (1837–1892) – историк, журналист, издатель-редактор журнала «Русская старина».

¹³ Сыновья А.М. Бакунина, которые со своими семьями жили в одной усадьбе.

Статский советник Дмитрий Сергеевич Львов был старшим сыном Сергея Дмитриевича Львова (1781–1857), потомственного дворянина и откупщика, создателя усадеб в Митине и Василёве. Его отец Сергей Дмитриевич Львов состоял в браке с Татьяной Петровной Марковой-Виноградской (урожд. Полторацкой, 1791–1848), родной теткой мемуариста и двоюродной теткой Анны Петровны¹⁴. Виноградские приезжали в Митино несколько раз и до этого: в 1866 г. и весной 1870 г. Сестра Д.С. Львова Татьяна Сергеевна (1822–1903) была учительницей, организатором и попечительницей земской школы, подругой Марко Вовчок, жила в Митине и Торжке. Другая сестра Аграфена Сергеевна (ум. 1903, в дневнике ее часто называют Грушей), жена Дмитрия Ивановича Романова (1809–1854), жила в Митине постоянно. И когда в 1878 г. Виноградские поселились в Торжке, 2 мая они приехали в Митино навестить двоюродных сестер Виноградского и троюродных – Анны Петровны. Это были очень близкие родственные связи, и отношение к Виноградским со стороны Львовых было самым родственным. Последним владельцем Митина был Н.Д. Романов¹⁵. В начале 1900-х гг. он, выпускник Училища правоведения, был известным в столичных кругах библиофилом и коллекционером. Именно он познакомил внучку Виноградских А.А. Кулжинскую с Б.Л. Модзалевским¹⁶, в результате чего семейный архив был передан в Императорскую Академию наук.

Усадьбы Василёво, принадлежавшее Д.С. Львову, и Митино, владельцем которого была А. С. Романова, составляли при их отце единый «Прутенский» комплекс, так как находились вблизи погоста Прутня. Они были построены в 1780-е гг. по проекту Н. А. Львова, который создал этот уникальный ансамбль, включающий две усадьбы, разделенные рекой Тверцой¹⁷.

Виноградский, не имевший своего дома, смотрел на тверскую дворянскую усадьбу как на выражение собственных мыслей о гар-

¹⁴ См.: Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. С алфавитным указателем и приложением / Сост. М. Чернявский. [Тверь, 1870]. № 690. Гектогр. изд.

¹⁵ Романов Николай Дмитриевич (1883–1917?) – сын Дмитрия Дмитриевича и Марии Александровны (урожд. Цвылевой; ум. 1903) Романовых, правнук Татьяны Петровны Львовой. См. о нем подробно: Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому... С. 479–532.

¹⁶ Модзалевский Борис Львович (1874–1928) – историк литературы, пушкинист; первый биограф Виноградских, автор обширного очерка об А.П. Керн. См.: *Модзалевский Б.Л.* А.П. Керн // Пушкин А.С. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1909. Т. 3. С. 585–606; *Модзалевский Б.Л.* Анна Петровна Керн (по материалам Пушкинского Дома). [Л.]: М. и С. Сабашниковы, 1924. (Друзья Пушкина / Под общ. ред. М. О. Гершензона. Вып. 1).

¹⁷ О проблеме авторства архитектурно-ландшафтного ансамбля Митина и Василёва см.: *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Гений вкуса: Н. А. Львов: Итоги и проблемы изучения. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. С. 61.

монии и упорядоченности внутренней и внешней жизни, что весьма напоминает позицию В. Г. Белинского, видевшего в Прямухине воплощение идеальной мечты. Вместе с тем автор «Записок» не идеализировал жизнь в Митине, об этом свидетельствует запись от 10 сентября 1878 г.: «...вчера вернулись из Митина, от суеты, от беспорядка которого бежали как угорелые <...> нам тяжела митинская светливая, рассеянная жизнь, зависящая от прислуг, гостей и разных внешних случайностей». Вместе с тем Виноградский признает: «Но в Митине мы имели много отрадных минут».

Последние месяцы жизни Виноградский вместе с женой провел в Прямухине, где 28 января 1879 г. умер от рака желудка. Его похоронили в семейном склепе Бакуниных, один из которых (как мы уже говорили) первым браком был женат на сестре Виноградского Елизавете. Анна Петровна пережила его на четыре месяца и умерла в Москве. Сын хотел похоронить ее рядом с отцом, но из-за весенней распутицы смог довести тело только до Торжка. Анна Петровна похоронена на погосте Прутня около сельца Митино. Неразлучные в жизни, Виноградский и Анна Петровна оказались разлучены после смерти. К могиле Анны Петровны теперь ездят новобрачные и праздные экскурсанты. Могила Виноградского, как почти весь прямухинский некрополь, не сохранилась.

У Анны Петровны было богатое воспоминаниями прошлое, в ее памяти оживали император Александр Павлович, царь поэтов Александр Сергеевич и многие другие замечательные лица. По словам мужа, она «хранила в себе непочатый, освященный уголок – алтарь преданий и памяти». У Виноградского таких царских встреч не было. Однако жизнь дворянских фамилий давала богатый материал для воспоминаний исторических. Лишенные яркого настоящего, Виноградские вспоминали прошлое. Анна Петровна написала воспоминания, которые были напечатаны при ее жизни. Александр Васильевич написал воспоминания, которые оказались никому не нужны. Вместе с тем в них вошли фрагменты мемуаров самой Анны Петровны, записанные с ее слов, которые в силу разных причин не могли быть включены в ее воспоминания. Это и сюжеты о музыкальной импровизации А. Мицкевича, и записи о С.А. Соболевском с приведением текстов его шуточных стихотворений, адресованных Анне Петровне (некоторые не опубликованы). Это рассказы и о женитьбе А.М. Бакунина, и о намерениях Е.А. Боратынского жениться на О.С. Пуш-

киной. Это и воспоминания о Л.С. Пушкине с записью текстов двух сатирических экспромтов, адресованных Ф.Ф. Вигелю, и др.

Со слов современников Виноградский записывал остроты, шуточные стихи и политические эпиграммы, широко бытовавшие в 1860-е гг. в обществе и приписываемые А.С. Пушкину. Среди них: «Когда в столице нет царя...», «Жил в дороге, умер в Таганроге», «В России нет закона...», «Немного царствовал, но много куролесил...», «Когда б на место фонаря...», «Люблю тебя, моя комета...». Виноградский записал целую легенду о создании псевдопушкинского стихотворения «Входя в небесные селенья...». Таковы многочисленные литературные факты, которыми крайне интересен дневник Виноградского. Большая часть этого материала уже опубликована в разных изданиях. Но только совокупная публикация их в составе дневника может по-настоящему представить их значение.

Любил Виноградский описывать и литературный быт. Он вспоминал о И.А. Крылове, В.А. Жуковском, М.Ю. Вильегорском, Николае I, Александре II, С.А. Долгоруком, А.С. Долгорукой, М.Н. Муравьеве (Виленском), А.Н. Муравьеве, Н.Н. Тютчеве, Ф.Ф. Вигеле... А также о своих родственниках – представителях семей Полторацких, Вульфов, Марковых-Виноградских, Вревских, Мамоновых, Понафидиных, Романовых, Львовых, Лениных, Безобразовых. Виноградский дает живые портреты современников и родственников, многие из которых в 1820–1830-х гг. входили в круг общения Пушкина, а в 1840–1860-х гг. состояли в дружеских отношениях с В.Г. Белинским и И.С. Тургеневым. Повторим, что делал он это не без помощи супруги.

Виноградские много читали: они перечитывали Пушкина, читали Лермонтова, Гончарова, Герцена, Толстого, Майкова, произведения зарубежных писателей. Мемуарист дает оценку прочитанному, но и в данном случае высказывает, кажется, не только свое мнение о нем, но и мнение Анны Петровны, с которой он живо обсуждал не только появляющиеся новинки, но и ранее вышедшие произведения. В своих оценках литературных произведений Виноградский довольно лаконичен, достаточно развернутого обсуждения удостоен только роман «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, с которым супруги познакомились по журналу «Русский вестник».

В работе над воспоминаниями Анна Петровна, «беспомощная, слабая... полуслепая старушка», из-за развивавшейся катаракты нуждалась в помощи. Непонимание сложных обстоятельств, в которых она находилась, вызывало у Виноградского чувства горечи и острой обиды. Так, совсем недолго прожив в Киеве вместе с семьей

брата Анны Петровны, Павла Полторацкого, он записал 13 ноября 1868 г.: «Досадно, что они не понимают моей поэтической, симпатично оригинальной, любящей и умудренной мышлением старушки, нашей милой мамы. Они ей оказывают почтение, снисхождение, а ей нужна только любовь. Какие глупцы! Они не соболезнуют тому, что она почти ничего не видит и очень этим несчастлива, так как не может читать, писать, работать, что наполняло ее жизнь и чем она была счастлива, и смотрят на нее как на капризную старуху. Бессердечные пошляки! Я заметил: кто не понимает, не любит моей жены и не сочувствует ей, тот очень пошлый, бездушный, сухой, холодный эгоист».

Сам же Виноградский, как преданный и заботливый супруг с бережным вниманием относившийся к таланту жены, фактически стал ее чтецом и литературным секретарем. «Целые два месяца я писал, – пишет он 22 октября 1870 г. – Писал сначала под диктовку воспоминание моей доброй старушки А<нны> П<етровны>, потом переписывал его и, наконец, усиленно работал над своими “Записками”. Так устал, что несколько дней не мог взяться ни за перо, ни за книгу».

Записки Виноградского содержат бытовые, биографические подробности жизни Анны Петровны, ее известных современников и многочисленных родственников. Дневник, впрочем, интересен не поденными записями, а мемуарными фрагментами. Часто поденная запись включает в себя констатацию погодных условий в одну-две строки и пространную мемуарную заметку, последние касаются разных лиц и тех, кого лично Виноградский не знал. Очевидно, что в таких случаях главным информатором для него была Анна Петровна. Однако и ее память не могла бы ничего сообщить, например, о М.В. Остроградском. Значит, то, что Виноградский записывал об Остроградском, представляет собой слухи и сплетни. Вот тут и начинается то, что следовало бы назвать «вокруг да около литературного факта».

Мемуарная проза (вне зависимости от желания автора) всегда тяготела и тяготеет к собиранию и построению сплетен, поскольку воспоминания всегда стремятся к тому, чтобы раскрыть частную жизнь человека, ту сторону, которая проходит вне поля зрения большинства людей. В зависимости от предмета воспоминаний в мемуарном жанре выделяются разновидности, которые внешне не укладываются в предложенную дефиницию: записки путешественника, воспоминания о войне, история семейства. Однако и эти жанровые разновидности можно интерпретировать как сплетни – о другом чудном народе,

о настоящих причинах военных событий (большой истории), о собственных родственниках. Но воспоминания о жизни знаменитых людей принадлежат к числу наиболее востребованных. О чем только не писала Анна Петровна, но при издании свод ее воспоминаний непременно получит название «О Пушкине».

Виноградский хорошо понимал, что его метод работы над биографическими заметками – это собирание слухов и распространение сплетен. В этом отношении весьма показательна его работа над биографией математика М.В. Остроградского, про которого он писал: «Все эти черты жизни Остроградского записаны мною на основании рассказов. В них, я думаю, много легендарного. Да и не естественно ли окружать жизнь гения вымыслами?» (19 января 1873). Вскоре Виноградский встретился со старым знакомым А.А. Мартосом, который помог ему получить от брата математика А.В. Остроградского уточненные сведения о жизни ученого. Записав их, Виноградский простодушно замечает: «Из этого очерка, сообщенного братом покойного, видно, что многое в первом моем очерке об Остроградском можно отнести к области вымыслов, кроме промена жены и других черт, не опровергаемых настоящим очерком» (20 мая 1873).

Но узнав истинную биографию Остроградского, искренне обрадовавшись этому и уличив самого себя в ошибках, Виноградский не скрыл свои ошибки, не вырвал листы со сплетнями, но оставил и сплетенную, и «истинную» биографии (если какая-то биография может быть истинна). В «жизни замечательных людей» его интересует анекдот, он сам понимает, что его метод работы над биографическими заметками – это собирание слухов и сплетен, но не пытается изменить или прикрыть его. Разного рода повторы мемуарных фрагментов известны у разных мемуаристов: А.А. Ахматова¹⁸, Л.М. Леонов, В.В. Быков¹⁹. Речь должна идти, таким образом, о некотором общем принципе построения воспоминаний, который проявляет себя и у Виноградского. Примеров такой «жизни замечательных людей» в его дневнике читатель найдет много²⁰.

Наделенный слогом и постоянно нуждающийся в деньгах, Виноградский мог бы публиковать свои записки, тем более что у него был из-

¹⁸ Михайлова Г. «Амедео Модильяни» Анны Ахматовой: виды памяти и структура текста // Опус № 1–2: Русский мемуар. Соавторство / Ред. Г. Михайлова. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas. Mokslo darbai. 2005. № 47 (5): Literatūra.

¹⁹ Лыков А. К воспоминаниям о Леониде Леонове // Опус № 1–2: Русский мемуар. Соавторство / Ред. Г. Михайлова. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas. Mokslo darbai. 2005. № 47 (5): Literatūra. С. 93.

²⁰ Строганов М.В. Дневник А.В. Маркова-Виноградского как источник истории русской усадьбы // Славянские чтения. VII. Daugavpils: Daugavpils universitātes akadēmiskais apgāds "Saule", 2009. С. 34–42.

дательский опыт, хотя и в области учебной литературы (о неудаче с этой книгой он рассказал в дневнике)²¹. Впрочем, в 1870-е гг. трудно было найти столь смелого издателя, который согласился бы печатать такие сенсации: пресса еще сохраняла видимость приличий. Но Александр Васильевич ни разу не попытался направить свои сочинения в печать и при жизни опубликовал только небольшой отрывок о своих детских годах²². Так зачем же он их писал? Про Белинского, Мицкевича, Муравьева-Вешателя, Муравьева-Апостола, Пушкина, Надеждина и многих других? Еще можно понять, зачем он оставлял в своем дневнике непристойные стихи, приписываемые Пушкину: в печати они появиться не могли, а зафиксировать их следовало. Но зачем он писал историю ссылки Пушкина на Юг, уже неоднократно описанную историками литературы?

Практически не общаясь со знаменитостями, Виноградский постоянно слышал о них от своей жены, читал об их жизни и творчестве в журналах и активно использовал эти публикации в своей мемуарной работе. Записывая свой вариант их биографий, он хотел приблизить себя к ним, а их освещенную успехом и славой жизнь – к своей жизни. Слухи и сплетни помогали Виноградскому творить уникальный по своей природе миф и писать о незнакомых людях как о близко знакомых. В записываемых мемуаристом биографиях часто нет никаких «открытий», о чем свидетельствует, например, запись от 4 апреля 1873 г., посвященная И.А. Крылову. Но она очень ярко характеризует мемуариста – внимательного, дотошного, скрупулезного, для которого даже известный факт из биографии писателя важен и ценен, и он стремится его записать. В других случаях Виноградский, не акцентируя внимание на слухах, тем не менее обращается именно к ним, и именно они становятся едва ли не главным средством характеристики человека.

Написанию биографических записок предшествовала большая, основательная подготовка, чтение разного рода литературы. Хорошо известно, сколь велика роль прецедентного текста в мемуарной литературе. Огромное число мемуаров возникло не само по себе, а именно на полях и по поводу других мемуарных и документальных текстов. Почти все мемуаристы, рассказывая свою предысторию, опираются на документальные материалы по истории своего рода и на воспоминания предков, а некоторые просто пересказывают чужие воспоминания. Это дело обычное.

²¹ Очерк греческой литературы / Сост. А. В. Марков-Виноградский. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1863.

²² *Марков-Виноградский А. В.* Из записок и журнала неизвестного человека // Семейные вечера, старший возраст. 1868. № 8. С. 120–125, 167–179.

Но случай Виноградского – особый. Виноградский представляет знания, почерпнутые из книг, так, как будто это его собственные воспоминания. Он не был знаком с А.А. Бестужевым, но рассказывает о нем так, как будто бы хорошо знал его. Фактически это не собственно мемуарный, а, напротив, псевдомемуарный текст. Виноградский имитирует (и очень удачно имитирует) мемуары. То, чего он не видел, изображается им как лично пережитое и достоверно рассказанное, как собственный опыт. В качестве псевдомемуара записки Виноградского можно просто дезавуировать, за их недостоверностью ими можно просто пренебречь. Но это отношение было бы большой ошибкой, так как, не будучи собственно мемуарными, эти страницы весьма интересны с другой стороны, поскольку представляют нам тот объем знаний, которым владел средний культурный человек середины XIX в.

Но кроме печатных источников Виноградский использовал источники устные и даже в большинстве случаев отдавал им предпочтение. Вместе с тем он симулирует строго научный метод: весь дневник составляет тридцать две большие тетради, последняя из которых представляет собой сводный указатель имен, составленный самим автором. Такой скрупулезности трудно было бы ожидать даже от профессионально работающего исследователя. Однако этот нормальный для исторического сочинения прием Виноградский соединяет с приемами, основанными на сплетнях и анекдотах.

Виноградский надеялся, что когда-нибудь его записки появятся в печати в более полном объеме, и предварял их следующими словами: «Я их завещаю сыну или кому другому, чтоб их напечатать, если признаются они достойными печати тогда, когда находящиеся в них очерки нравов, характеристики и биографии не смогут никого задеть и сделаются занимательными и поучительными, как безыскусственное сказание о прошлом». И он прав, называя свое сказание поучительным, хотя едва ли его можно признать безыскусственным.

В его дневнике литературный быт сам становится литературным фактом, весьма занимательным и имеющим самостоятельное значение. Это новое качество мемуарной литературы, основанной на литературных источниках, не было у Виноградского осознанным, отраженным, собственно художественным приемом. В его тексте литературный быт только собирается стать литературным фактом, но огромные художественно-познавательные потенции этого явления у него уже налицо. Это и делает дневник Виноградского исключительно интересным явлением литературы.

Ниже мы публикуем те страницы дневника Виноградского, которые посвящены А.А. Бестужеву (Марлинскому), поскольку в них хождение вокруг да около литературного факта проявило себя в максимальной полноте. Виноградский читал и хорошо знал прозу Марлинского, но не был знаком с ним лично. Однако Виноградскому интересен не писатель Марлинский, но его семья, быт, любовные похождения и социальное поведение, о чем он имел представление только с чужих слов. Оценки творчества Бестужева у Виноградского близки к критическим суждениям В.Г. Белинского, хотя у Анны Петровны они восходили, скорее, к Пушкину и писателям его круга. В своих рассказах Виноградский опирался на еще не опубликованные материалы, которые узнавал от знакомых, в частности от М.И. Семева.

Литература

Керн (Маркова-Виноградская) А.П. О Пушкине и о себе: Воспоминания, дневники, переписка / Сост., вступ. ст., примеч. А.М. Гордина. Тула: Приокское кн. изд-во, 1993. 447 с.

Лыков А. К воспоминаниям о Леониде Леонове // Опус № 1–2: Русский мемуар. Соавторство / Ред. Г. Михайлова. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas. Mokslo darbai. 2005. № 47 (5): Literatūra. С. 80–94.

Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Гений вкуса: Н.А. Львов: Итоги и проблемы изучения. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. 278 с.

Михайлова Г. «Амедео Модильяни» Анны Ахматовой: виды памяти и структура текста // Опус № 1–2: Русский мемуар. Соавторство / Ред. Г. Михайлова. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas. Mokslo darbai. 2005. № 47 (5): Literatūra. С. 33–43.

Письма Н.Д. Романова к Б.Л. Модзалевскому / Публ. Л.К. Хитрово // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Б.Л. Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб.: Наука, 2001. С. 479–532.

Строганов М.В. Дневник А.В. Маркова-Виноградского как источник истории русской усадьбы // Славянские чтения. VII. Daugavpils: Daugavpils universitātes akadēmiskais apgāds “Saule”, 2009. С. 34–42.

References

Kern A.P. (Markova-Vinogradskaia). *O Pushkine i o sebe: Vospominaniia, dnevniki, perepiska* [On Pushkin and myself: Memoirs, diaries, correspondence], sost., vstup. st., primech. A.M. Gordina. Tula, Priokskoye knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993. 447 p. (In Russ.)

Lykov A. K vospominaniim o Leonide Leonove [Revisiting the memoirs of Leonid Leonov]. In: *Opus № 1–2: Russkii memuar. Soavtorstvo*, red. G. Mikhailova. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas, Mokslo darbai, 2005. № 47 (5), Literatūra, pp. 80–94. (In Russ.)

Mikhailova G. “Amedeo Modil’iani” Anny Akhmatovoi: vidy pamiati i struktura teksta [“Amedeo Modigliani” by Anna Akhmatova: memory types and text structure]. In: *Opus № 1–2: Russkii memuar. Soavtorstvo*, red. G. Mikhailova. Vilniaus universiteto leidykla, 2005. Vilniaus universitetas, Mokslo darbai, 2005, № 47 (5), Literatūra, pp. 33–43. (In Russ.)

Miliugina E.G., Stroganov M.V. *Genii vkusa: N.A. L’vov: Itogi i problemy izucheniiia* [Genius of taste: N.A. Lvov: Results and problems of studying]. Tver’, Tverskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2008. 278 p. (In Russ.)

Pis’ma N.D. Romanova k B.L. Modzalevskomu [N.D. Romanov’s letters to B.L. Modzalevsky], publ. L.K. Khitrovo. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1996 god. B.L. Modzalevskii. Materialy k nauchnoi biografii*. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 479–532. (In Russ.)

Stroganov M.V. Dnevnik A.V. Markova-Vinogradskogo kak istochnik istorii russkoi usad’by [A.V. Markov-Vinogradsky’s diary as a source on Russian manor house history]. In: *Slavianskie chteniia. VII*. Daugavpils, Daugavpils universitātes akadēmiskais apgāds “Saulē”, 2009, pp. 34–42. (In Russ.)

Literary life as a literary fact A.V. Markov-Vinogradsky’s diary

Mikhail V. Stroganov

Abstract: Literary fact does not exist outside literary life, and literary life can exist only around the literary fact. Moreover, in the era of mass culture, the literary fact is in the focus of specialist's interests, and a layman prefers literary life to the literary fact and reads biography books on Pushkin instead of Pushkin's poetry. This situation has already developed in the XIX century, even in an environment that, it would seem, should have kept the lofty spirit of the "Pushkin circle" writers and resisted everything connected with the "trade direction" in literature. As a result, literary life becomes the center of literary attention – literary fact.

Keywords: Literary fact, literary life, mass culture, A.V. Markov-Vinogradsky, A.P. Kern (Markova-Vinogradskaya), A.A. Bestuzhev-Marlinsky.

Information about the autor: Mikhail V. Stroganov, Doctor Hab, Professor, Kosygin Russian State University, Moscow / Tver. E-mail: mvstroganov@gmail.com.